

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Это было давно

почти реальная история из общажной жизни конца 80-х

Это было давно, когда лето было теплее, вода мокрее, а на рубль можно было прожить день, не особенно себя ограничивая. А может, это просто было тогда, когда мы были моложе и острее. Да, лет прошло уже немало, еле шагающие тогда карапузики уже всю влюбляются, жизнь изменилась так, что реальные истории тех лет кажутся бывшим карапузикам анекдотами или страшилками...

В общем, был я молодой, жил в общежитии, было лето и делать мне было особенно нечего — какие-то осколки учёбы иногда, работа по ремонту (чтобы не ездить осенью на поля Нечерноземья), много музыки и ночных разговоров за жизнь — и конечно, девушки. Такие же студентки, живущие в той же общежитии, и по случаю жары ходящие в совершенно символических халатиках. Вот про одну из них я и расскажу.

Итак (как говаривал знатный сердцеед Александр Сергеевич) она звалась... Не скажу я, как она звалась, она замужем давно, и фиг его знает, с какими чувствами вспоминает (и вспоминает ли). Ещё у неё было прозвище, и прозвище довольно уникальное. Им обычно её и называли, и за глаза, и в глаза. Была она тоненькая, даже странно тонкая (что-то сегодня классики лезут, это уже граф Лев), очень лёгкая (это я знал прекрасно — не раз случалось на руки поднимать — и в шутку (в которой, как водится, доля шутки), и через канаву переносить или, к примеру, в лодку вытаскивая (а когда с другом вдвоём, каждый за одну руку — и вовсе взлетала)), но вовсе не тощая. Как ей это удавалось — дело тёмное, скорее, всё же по молодости и по постоянному «турборежиму» организма — была она (а может, и сейчас такая, давно не видел, очень давно) непоседой и живчиком.

Ну так хватит старческим воспоминаниям предаваться, пошли ближе к делу. К истории, которая произошла со мной, или произошла не со мной... Или всё-таки произошла — какая, собственно, разница, «кто, где, кого»? В общем, диспозиция такова:

Лето, вторая половина дня, прожаренная до истомы солнечная сторона здания, маленькая комната с большим трёхстворчатым окном. В комнате сидят парень и девушка, и делают вид, что решают какую-то РГР. Собственно, работа их не особенно интересует, парень таких перерешал кучу (маленький бизнес «для умных»), девушка тоже могла бы, но зачем, если есть кто-то, кто легко, а потому и с удовольствием это сделает), интересует их совсем другое — но они старательно не подают вида, хотя оба знают, что другой знает... Но простая мысль не маяться фигнёй, а сделать что хочется, их посещает только в принципе. Напомню — годы достаточно давние, да и ребята достаточно молодые, девственники, скромники и всё такое... Несмотря на весьма значительный теоретический опыт — общежитие — это не только место обитания, это и информационная среда, чем-то подобная той, которая только возникнет через не так уж мало лет в компьютерных сетях.

И вот они сидят, косятся друг на друга, иногда «невзначай» задевая за какую-нибудь часть тела — благо тела совсем рядом и лишнего на них, прямо скажем, немного — жара... На девушке халат, из которого она несколько выросла, парень в нарочито криво обгрызенных под шорты джинсах — по стране победно расползается идеология панка. Разговор идёт вроде бы и ни о чём — от общажных сплетен незаметно переходя на проблемы мироздания, обстановку на личных фронтах, музыке (техника и политика девушке неинтересны). Они

считаются друзьями — и действительно у них много общего — музыка, образ жизни... Но обговорено уже всё не по разу, и сидят они тут не для этого, вот только перейти к более решительным действиям — никак не могут собраться.

Из окна слышится привычный шум — с гулом прокатываются троллейбусы, кто-то куда-то спешит, где-то гремят посудой. Скоро вечер, солнце ещё всю жарит, но воздух уже другой, и звуки уже другие, и запахи. Хотя основным запахом упорно лезет в окно запах горячего асфальта — на улице ремонт.

— Ну сколько же можно дымить! возмущается девушка, подходя к окну. Её светлые крашенные, слегка завитые волосы рассыпаны по плечам, из-под выцветшего халата торчат тонкие, но оформленные ноги и руки, покрытые ровным загаром (полученным здесь же у окна и на крыше, куда периодически вылезает позагорать половина населения).

— Да не особо они и дымят. Даже приятно.

— Зато вредно. И, между прочим, особенно для мужчин.

— Почему?

— Ну, вот говорят так.

— А, про это... Не знаю, я как-то не боюсь. Даже рад бы немного понизить.

— А что так?

— А чтоб не напрягаться... Лишний раз.

— А почему лишний?

— Ну, вот сiju, никого не трогаю, починая примус — твой между прочим — а тут ты ходишь, и мешаешь примус починая.

— А тебе что больше нравится, примус починая или отвлекаться?

— Как тебе сказать... Ты-то как думаешь?

Девушка поворачивается от окна. Теперь их разделяет стол и она немного наклоняется вперёд. Символический халатик не скрывает уже ничего, и парень не может оторвать глаз от маленьких твёрдых грудок, за которыми виднеется живот.

— Если так — то отвлекаться — произносит он, не двигая взгляд.

— Ой! — девушка выпрямляется — а ты и рад подглядывать!

— Я не подглядываю, а просто смотрю

— И как, красиво?

— Ещё бы!

— Врёт и не краснеет (у девушки небольшой комплекс по поводу размеров груди. Девушка почти каждый день ест капусту и ходит в «качковку» делать жим лёжа).

— А куда ещё краснеть, и так красный. И, между прочим, не вру. И ходишь ты красиво — добавляет парень, вспоминая тёмные ноги из-под блеклого халата.

— Вот так? — говорит девушка, снова отходя к окну, теперь уже намеренно вышагивая, замедляя движения и покачивая бёдрами.

— Так — тоже.

— А первый раз как?

— А первый — не как модель, а как живая и настоящая.

В это время за окном что-то гроыхает, запах асфальта становится сильнее. Девушка выглядывает в окно, словно очередной самосвал — что-то новое и интересное. Халатик ползёт ещё выше, открывая ноги во всём их великолепии. Парень тоже заинтересовался самосвалом, подходит и выглядывает. Открыта только одна створка, и проём узкий, они неизбежно

сталкиваются плечами, боками, бёдрами...

Рабочие возятся внизу, закидывая просыпавшийся мимо ковша укладчика асфальт, но молодым людям уже совсем не до них. Замерев в окне, боясь спугнуть момент, они вслушиваются в ощущения. Казалось бы, чего необычного — просто касание. И не в первый раз, и ничего особенного... Особенное только ощущение. Ощущение близости.

Парень понимает, что сейчас этот миг закончится, девушке надоест изображать интерес к процессам асфальтоукладки, и всё опять соскочит «на круги своя». И он наконец решается. Его рука ложится на её талию. Девушка делает вид, что ничего не произошло, но прижимается теснее. Парень раскрывает ладонь шире, стремясь вобрать, охватить, почувствовать как можно большую площадь мягкого девичьего бока. Бок шевелится. Девушка дышит.

Дыхание её становится глубже и чаще. Парень подключает вторую руку, для чего ему приходится сдвинуться чуть назад, касаясь торчащим из-под драной джинсы шорт бедром открывшегося под краем задравшегося халатика бедра девушки. Девушка приподнимается, отталкиваясь от окна и при этом без всякой задней мысли упираясь в парня едва прикрытыми ягодицами. Для него это как знак судьбы — и повод переместить руки, с талии на бёдра и ниже — а потом выше, чуть замирая от наглости, но выше и выше.

Ноги, бёдра, узкая полоска, по сути одна резинка, и снова талия — но уже без халата. Он опять чувствует руками, как она дышит, ощущает стук сердца — резкий и частый. Его сердце колотится так же, словно у самого горла — он ещё не верит и боится спугнуть короткий миг. Но девушка вовсе не намерена прерывать этот миг, она выпрямляется и прижимается к парню спиной. Он, набравшись решимости и даже сглотив от волнения, аккуратно целует её макушку. Жжёные-пережжёные от экспериментов с окраской волосы, слабый запах лака, тепло её кожи. Девушка вдыхает, приоткрыв губы, медленно поворачивается и прикрывает глаза.

Целоваться молодые люди умеют — даже друг с другом. Ещё одно дурачество с подтекстом — а теперь уже и не дурачество, уже без оговоренного «это ж не всерьёз». И целуются они на всю, как умеют. Её губы прохладные, а язык горячий. А под руками парня — гладкая кожа её спины, и руки разбегаются по ней, выше, к изгибу плеча, и ниже — там, где резинка боков переходит в треугольник тонкой ткани.

Девушка переводит дыхание и вновь подставляет губы. Халат задрался, они касаются животами, и парень прижимает девушку всё сильнее, в то время как губы их изображают то ли борьбу, то ли танец. Вдруг девушка спохватывается...

— Окно! на нас смотрят кому ни лень! Она знает о мужике с биноклем, любителе подглядывать, и иногда даже дразнит его, загорая у окна. Но сейчас ей совсем не хочется его дразнить, не хочется, чтобы кто-то видел. Девушка разворачивается и задёргивает шторы — кроватные покрывала, привешенные на проволоку (которую парень же и натягивал когда-то). Когда она тянется вверх, край халата поднимается выше трусиков, а поднявшиеся груди отчётливо выделяются под ним торчащими точками сосков.

И парень берётся руками за девушку, вот прямо за всю и сразу — положив одну руку на бедро, другую на грудь. Целуются вполоборота, раз, другой, постепенно вольничая руками — парень под халатом, а девушка по ремню шорт. Тела гладкие и гибкие, а одежда кажется шершавой и грубой, она лишняя, она мешает...

Пуговицы её халата под руками, их всего пять... четыре... три... две... ни одной... Халат висит

на тоненькой владелице как на вешалке, и под него можно не только запустить руки, но и почти влезть самому, как бы оставляя халат «за кадром».

Оказывается, целоваться, соприкасаясь грудью, намного вкуснее, чем делать то же самое через халат. Впрочем, это молодых людей ничуть не удивляет. Руки девушки путаются в натянувшемся халате и она пытается его стряхнуть — естественно, парень это начинание горячо поддерживает, и халат скомканной тряпкой летит куда-то в угол. Стянуть шорты тоже несложно. А вот дальше — последняя черта, которую вдрут обоим становится страшно переступить. И хотя возбуждение кружит голову, а рядом, под руками, знакомо-незнакомое тело — последние детали одежды ещё держатся. Первой решается девушка, берётся за ремень и тянет, чуть отслонившись от парня и как бы давая ему повод придержать её за талию — за талию и ниже, за резинку... под резинкой... без резинки...

Она тем временем довольно сноровисто стянула шорты и забралась под резинку плавок. Эта умелость неприятна, вызывает смутные подозрения — хотя какое бы казалось его дело? Но не спросишь же, не поинтересуешься, да и вообще, зачем портить прелесть мгновения? И парень подхватывает девушку под попку, чудесную упруго-округлую попку, поднимает и делает два шага к кровати — общажной койки с ватным матрасом на проволочной сетке.

В этой комнате под сетку подложены доски — девушки любят спать прямо, не в мешках прогибающихся чуть ли не до пола сеток. Сейчас это очень удобно — можно сесть, не падая на спину. Маленькие (по мнению девушки) но вполне выпирающие на тонкой фигуре грудки оказываются перед лицом парня, и он утыкается носом в ложбинку между ними и тихо целует нежную кожу, постепенно перемещаясь в сторону.

Под кожей, совсем рядом, колотится сердце, и чем ближе губы к соску, тем отчаяннее оно колотится. Когда в губах, на языке оказывается остренький сосок, девушка судорожно вздыхает, прижимая его голову. Парень втягивает грудь глубже, облизывая весь кружок возле соска, а руки его мягко, но сильно гладят сгибы её ног с полуспущенными трусиками, тянут к себе, ближе, теснее.

Девушка постанывает, запрокидывает голову и руки парня перемещаются выше, к плечам и лопаткам, а губы целуют шею и ямочку между ключиц. Девушка двигает бёдрами, ткань трётся по ткани, одежда — проклятие ей, мешающей и сковывающей...

Чтобы снять последние лоскутки, приходится расплестись и выпрямить ноги, делать этого не хочется, и молодые люди идут на полумеры — девушка ложится на откинувшегося назад (благо там ещё одна койка, стоящая вплотную, что даёт нескончаемую тему шуток насчёт ориентации девушек) парня и в такой горизонтальной позиции трусики можно сдвинуть на бёдра, потом на колени, а потом и вовсе стряхнуть куда-то, неважно куда.

Теперь девушка совершенно обнажена, из искусственных предметов на ней остались только серьги, неудобные висюльки в виде полуколец, и она снимает последнюю деталь, поднявшись и усевшись на парня совсем как надо — если бы не до сих пор не снятые его плавки. Парень кажется слишком занятым её грудью и талией, и она сама, откинув серьги в направлении тумбочки, стягивает последнюю тряпку. Всё происходит молча, слова не нужны, слова лишние и вредные здесь и сейчас — и оба чувствуют это и благодарны друг другу за это чувство. Только взгляды, прикосновения, вздохи и стук сердец — или это стук расшатанной кровати?

Освобождённый член как на пружинах устремляется в потолок, девушка отбрасывает плавки и осторожно берётся за него. Она знает, что делать с этой штукой, у неё есть некоторый опыт

— но пока она колеблется, проявлять его или нет, парень тянет её к себе, буквально двигая вдоль своих ног, и она наезжает на столбик своей мягкой и влажной, да нет, мокрой уже, щелью и со стоном трётся об него, поверхностно, без проникновения, как (слухи не всегда врут) трутся они иногда друг об друга с сокоешницей Маринкой.

Но тело, на котором она сидит, совсем не маринкино, и она не раз представляла себе, как усядется именно на него, на этого парня (справедливости ради отметим, что кроме него место в её пододеяльных грёзах находилось ещё для нескольких парней с потока и из общаги, и только для Юрки, который домогался её без юношеской неуклюжести остальных и таки однажды по пьянке добился-таки минета, чем окончательно от себя и отвратил, не нашлось, почему и обломался сей опытный ловелас). А парень очень хочет продолжения, но не знает, как это сделать — то есть теоретического багажа у него вдоволь (в том числе и от того самого Юрки, который не прочь быть наставником молодых), но в багаже отсутствует важный момент — как, собственно, быть с девственницами?

Он двигает девушку чуть выше, на самый кончик члена, чувствуя влажность и идущее из глубины тепло, и понимая, что это ОНО, то самое, но как туда идти, чтобы не сделать больно и не испортить весь кайф — не знает. И девушка не знает, трётся по поверхности, резкими движениями бёдер предотвращая попытки проникнуть глубже — больно же, и страшно, хотя и хочется, да и сомнения ещё есть — а строит ли, а может, не надо? И тогда парень подключает руки — указательный палец его, аккуратно раздвинув странно тёмные (он привык, что у девушки светлые волосы, хотя и знает в принципе, что её природный цвет — тёмно-русый) завитки, погружается во влажные складки.

Девушка, и без того уже возбуждённая донельзя, стонет в голос, ложится на парня и вцепляется неожиданно сильными руками. Но палец уже на месте, и частыми движениями гладит явственно прощупывающийся между нижних губ бугорок. Девушка дрожит. Девушка стонет. Молчание нарушается её тихим «Ой», ещё раз, потом «ой, я сейчас умру».

Парень дотягивается губами до её плеча, потом вдоль шеи до уха. Всё её тело покрывается мурашками, стоны превращаются в короткие вскрики. Каким-то чутьём угадав, что это тот самый момент, парень второй рукой резко нажимает ей на поясницу, двигая навстречу бёдрами — и чувствует, как замерший у входа член плавно входит внутрь, в жаркую, тугую глубину.

Девушка дёргается, но момент выбран верно, она тоже не может и не хочет останавливаться, и уже сама двигается на члене, не понимая, вскрикивает она от боли или от наслаждения. Парень вытаскивает руку, прижимает девушку к себе обеими руками, целует её мокрое от пота тело. Комната куда-то плывёт и растворяется, уличный шум пропал ещё раньше, есть только она, горячая и мокрая, стонущая и извивающаяся. И они содрогаются уже вместе, сцепившись и слившись в единое «животное с двумя спинами», как говорил циник Шекспир...

Потом опьянение потихоньку сползло, вновь стали слышны шарканье лопат и гул троллейбусов, голоса и подошвы в коридоре... Жизнь шла своим чередом, и только для этих двоих она стала другой — ещё более захватывающей и интересной, и тем прикольнее, что никто ещё об этом не знает...

Кроме Маринки, которая пришла в самый разгар веселья, не смогла открыть дверь, по доносящимся звукам мгновенно сообразила, что происходит, и обиженная ушла «пережить землетрясение» — устоявшийся термин общажного новояза для такой вот вынужденной

эмиграции из собственной комнаты. Но о том, где, с кем и как пережидала землетрясение Маринка, здесь я рассказывать не буду, скажу лишь, что когда она вернулась, от обиды её не осталось и следа, и всю ночь девушки о чём-то болтали — и не только болтали. Но уж при этом-то меня точно не было и быть не могло.

Макс К-113, 1988—2003